

Одновременно следует отметить, что подобных данному металлургических центров в долине Уфы в пределах Челябинской и Свердловской обл. не обнаружено. Ближайшие абашевские поселения находятся в лесостепной Башкирии, петрогромские производственные центры в Среднем Зауралье, а соседние крупные укрепленные поселения иткульской культуры в 70-80 км к востоку-северо-востоку на оз.Иткуль. Многочисленные археологические разведки в верховьях Уфы выявили только небольшие разновременные стоянки и одно городище - Уфа VI (в 50-60 км вверх по течению от г.Нязепетровска). Ни один из этих памятников по количеству находок и культурных горизонтов не идет ни в какое сравнение с Серным Ключом. К примеру, на городище Уфа VI, представленном слоями энеолита, поздней бронзы, раннего и позднего железа и коллекцией из 2030 единиц (площадь памятника 1000 кв. м, раскопов 295 кв. м), найден только один гамаюнский сосуд со следами плавки меди из волго-камской химической группы (определение С.В.Кузьминых) и не обнаружено ни одного металлического изделия.

Основание металлургических центров в разные эпохи в урочище Серный Ключ, на наш взгляд, являлось не результатом какой-то одной культурной традиции, а наличием в непосредственной близости от скалы небольшого месторождения медных руд. Косвенно об этом свидетельствуют находки на городище кусочков лазурита и отсутствие следов металлургии на близлежащих мысах.

С.Г.БОТАЛОВ (Челябинск)

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ II-XI ВВ.

Рубежный временной отрезок II в. до н.э. II в. н.э. в Урало-Ишимских степях археологически представлен весьма скудно. Комплексов этого времени единицы. Однако уже с середины II в. н.э. зауральские степи наполняются многочисленными некрополями с явно азиатскими элементами материальной культуры.

Хронологическая позиция материалов данного историко-культурного комплекса достаточно точно укладывается в три временные отрезка: середина II-III вв., IV в., V-VI вв. При этом количество комплексов резко падает по мере омоложения.

При детальном рассмотрении западных (Дионисий Перигэт, Птолемей) и восточных (Бань Гу, Фань Е) источников достаточно точно просматривается тот факт, что между 90-м и 160-м годами н.э. идет достаточно бурный процесс инфильтрации, вытеснения гуннов на территории Средней Азии и Центрального Казахстана. По мнению Г.Е.Грум-Гржимайло и А.Н.Бернштама это достаточно широкая территория от Балхаша до Арала. Учитывая прямое сходство кувшинных форм Южного Урала и Северного Казахстана с керамикой Средней и Нижней Сырдарьи позволило сделать предположение, что основное ядро гуннов, ушедших из Монголии, консолидировалось именно там.

Движение гуннского населения является следствием природно-климатических изменений во всем ареале Великого пояса степей в первой половине I тысячелетия н.э. Особенно ярко это проявляется в исходе гунно-сарматского и гунно-тахарского населения из Средней Азии в Урало-Ишимские степи во второй половине II в. н.э. Фаза прогрессирующего ксеротерма, которая вероятнее всего начинается в первых

веках эры, приводит к IV в. К опустыниванию Урало-Поволжских степей (по почвоведческим данным И.В.Иванова) и гибели сырдарьинской и хорезмской оазисных цивилизаций в IV-VIII вв. (по наблюдениям С.П.Толстова).

Возможны два направления гуннского переселения: 1) наиболее ранний - южносибирский, через верхнее Поиртышье, что приводит к смещению саргатского и гороховского населения еще в I в. до н.э. I в. н.э. далее на восток; 2) традиционный путь меридиональной миграции: Урал - Арал вдоль Тургайского прогиба. Пересечение данных маршрутов лежит в районе Южного Зауралья.

Во II-III вв. граница между гунно-сарматским и позднесарматским населением, вероятно, проходит по р.Урал. На это указывает довольно яркое отличие позднесарматских Поволжских и Зауральских комплексов названного круга.

Гуннская культура Южного Зауралья и Севера Казахстана носит явно синкретический характер, - что весьма характерно для любых кочевнических этнополитических образований (хазары, волжские болгары, золотоордынское население). Процесс "гуннизации" безусловно в первую очередь был направлен на сармато-аланское население Средней Азии и Южного Казахстана. Впоследствии он охватывает сармато-саргатские племена в пределах Урало-Ишимской кромки лесостепной зоны. В конце II-III в. н.э. по образному выражению А.Н.Бернштама происходит "накопление, гуннского населения"

Сегодня исследовано 312 погребальных комплексов, которые получили название гунно-сарматские. Наиболее яркие из них Больше-Караганский, Друженский, Малковский, Темясовский, Целинный, Восточно-Курайлинский, Лебедевские, Магнитный могильники. Они представляют собой либо небольшие насыпи овальной или округлой формы либо круглые насыпи или грунтовые валообразные сооружения, насыпи или ограды, сложенные из прокаленных глиняных блоков. Покойники хоронились в основном в узких прямоугольных ямах головой на север (61%). Значительное число подбойно-катакомбных конструкций.

Для мужских погребений характерен следующий вещевой комплекс: длинные однолезвийные мечи-палаши, сложносоставные луки "гуннского" типа, железные трехлопастные и костяные четырехгранные черенковые наконечники, предметы конской сбруи (кольчатые удила с накладками-зажимами и сферическими накладками), предметы ременной гарнитуры (пряжки с подвижной рамкой и плоским щитком, восьмерковидными накладками с кольцевыми подвесками).

Женский вещевой комплекс включает прежде всего предметы украшений: калачиковидные серьги-лунницы, подвески, выполненные в полихромном стиле с стеклянными (зелеными, красными) вставками, спиралевидные подвески, "гуннский" набор бус, бочонковидные с внутренней позолотой, и глазчатые бусы. Выделяются два основных вида фибул: лучковые с подвязным приемником с профилированной спинкой и фибулы с завитком на конце с пластинчатым ромбическим или ассиметрично-ромбическим приемником. Зеркала среднеазиатского или китайского происхождения. Также в женских погребениях встречаются перстни различных форм, курьельницы, миниатюрные косметические сосудики, а также бронзовые котлы.

Путем статистического сравнения керамических комплексов выявлено, что кувшинообразные горшки соотносятся с территорией Урало-Поволжья, красно- и сероглиняные горшки соотносятся с территориями Южного Казахстана и Средней Азии и значительная доля горшков разной лепки по своему происхождению соотносятся с автохтонными территориями Урало-Ишима.

Наличие явно гуннских черт в наиболее знатных погребениях, насколько это можно судить по монголоидности антропологического облика (по предварительным данным Р.М.Юсупова) и вещевому инвентарю (Больше-Караганский, Целинный, Лебедевские, Байрамгуловский, Темясовский могильники), накладывает определенный отпечаток на культурно-политическую инфраструктуру данного этноплеменного образования. Выделять среди гунно-сарматского конгломерата, собственно гуннов вероятнее всего бесперспективное занятие, т.к. во-первых, сегодня однозначно не дифференцированы черты собственно гуннского культурного облика; во-вторых, на мой взгляд, собственно гуннская культура вероятно была в значительной мере растворена сармато-алано-саргатским окружением. Вероятно этноплеменная консолидация шла собственным путем формирования кочевнической родо-племенной иерархии, когда конфедерат в целом сформировался за счет установления господствующей гуннской родовой верхушки.

Неожиданно яркое возникновение гуннских Заурало-Казахстанских памятников в середине II в. н.э. резко прекращается к середине IV в. н.э. Отдельные комплексы этого периода были исследованы глубоко на северных рубежах лесостепной зоны. Названные выше последствия ксеротермического катаклизма способствуют исходу гунно-сарматских кочевников далее на запад вдоль лесного пограничья.

Обращает на себя внимание тот факт, что с IV в. в Приуральской лесостепной Башкирии также неожиданно возникают обширные некрополи IV-V вв., которые продолжают гунно-сарматскую историко-культурную традицию (Уфимский, Дежневский, I, II Ахмеровский, Шиповский могильники). Вероятно лесостепное Приуралье явилось для значительной части гунно-сарматов той спасительной природно-климатической нишей, заняв которую они избавились от необходимости дальнейшей миграции.

До определенного времени считалось, что в пределах урало-казахстанских степей памятники, которые можно соотнести с раннетюркскими комплексами VI-VII вв., фактически отсутствуют. В определенной мере это связано с ландшафтно-климатическими колебаниями пояса Евразийских степей.

К V в. прекращает свое функционирование, либо значительно дестабилизируется Урало-Аральская пастбищно-кочевая система. Что безусловно повлияло на переориентацию миграционных маршрутов Великого Переселения народов. Причины этого лежат в глобальном природно-климатическом изменении, которое, вероятнее всего, было вызвано регрессией Арала, обмелением и засолением Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и общим осушением аридной зоны. С широты Нижнего Поволжья с VI в. устанавливается зона пустынь (на четыре столетия).

Безусловно означенный факт не мог не сказаться на плотности археологических памятников. На огромной территории Урало-Казахстанских степей сегодня можно насчитывать чуть больше двух десятков памятников, укладываемых в рамки V-VIII вв. Как правило, большинство из них являются общеизвестными и неоднократно рассматривались на страницах печати (Шипово, Муслюмово, Боровое, Кара-Агач, Каннатас, Егиз-Койтас и т.д.). Традиционно их относят с финальным этапом гуннской эпохи и дискуссии вокруг них в основном весьма затруднено, т.к. большинство этих комплексов представлены либо отдельными находками предметов, либо данные по фиксации элементов погребального обряда не полны и не точны.

Таким образом, хронологический период VI-VII вв. Является своеобразным "смутным" (неизвестным, непонятым) временем для Урало-Казахстанских степей.

Историко-культурный комплекс погребений Центрального Казахстана и Южного Урала (Каннатас, Каменный Амбар-5, Кара-Агач и др. действительно в определенной мере позволяет соотнести его с гунно-сарматскими традициями более раннего периода. (Северная ориентировка, гробовины, подбойно-катакомбные погребения, набор инвентаря), сложение которых происходит на территории Южноказахстанских и Среднеазиатских степей.

С VI вв. на востоке появляются комплексы зевакинского и бобровского типов, характерным признаком которых является трупосожжение, либо ярко выраженного культа огня. Несмотря на то, что в среде гунно-сарматского населения Западной Сибири II-IV вв. н.э. были также характерны комплексы с чертами огнепоклонничества, однако они принципиально отличались от вышеназванных. Характер историко-культурного комплекса их позволяет соотнести данные погребения с памятниками Чаатаского типа Хакассо-Минусинской котловины, т.е. с миром тюркоязычных кочевников.

При этом стоит заметить, что наряду с вышеописанными появляются комплексы тюрко-культурной традиции: каменные курганы, захоронение с конем, ориентировка в западный сектор (Егиз-Койтас, Чиликты), которые сближают их с памятниками катандинского (Саяно-Алтайского) круга.

В силу названных естественно-климатических и общеисторических причин миграции из районов Аральского и Сырдарьинского бассейнов идут на СЗ и с территории Южной Сибири сначала на ЮЗ, а затем на запад.

Западная волна тюркского нашествия достигает вначале среднего Иртыша (Зевакино, Камышино), затем Центрального Казахстана и Южного Урала (Солочанка, ранеселенташские комплексы), оставляя здесь памятники с наличием элементов чаатаского историко-культурного комплекса. Характерными комплексами этого времени являются так называемые курганы с "усами", которые до недавнего времени ошибочно соотносились с памятниками тасмолинской культуры.

Суммируя результаты исследований подобных памятников с материалами раскопок в Восточном и Центральном Казахстане (Зевакинский, курганы 1-3; Кызылтас, курганы 1,2; курган у пос.Точки) и семи курганов, исследованных на Южном Урале (Оленина Отнога; Городищенское IX, Каинсай, курган 16; Кызылжар; Солончанка 1; Черкасы; Султан-Темирский), сегодня можно описать данный историко-культурный комплекс. Его составляют два наиболее распространенных типа курганов с грядами. К первому типу относятся комплексы состоящие из одного большого кургана и отходящих от него на В (реже на Ю) двух дугообразных "усов" на расстояние 70-150 м, оканчивающихся округлыми площадками, либо без таковых (Кызылтау; Бугулы, курган 13; Бесоба; Улутау; Токраун; Зевакино, курган 1; Ботакара; Ак Булак, курган 1; Толагай; Кызылтас, курган 2; Тасмола, курган 19; "тридцать семь воинов"; Точка; Черкисы; Султан-Темирсай). Вариантом этого типа являются комплексы, состоящие из двух центральных курганов, расположенных по линии З-В, от которых отходят "усы" (Куланутпес; Кызылтас, курган 1; Зевакино, курган 2).

Второй тип представлен комплексами состоящими из центрального крупного кургана и двух боковых, расположенных по линии С-Ю, от которых отходят "усы", оканчивающиеся, как правило, округлыми или кольцевыми выкладками (Зевакино, курган 1; Городищенское IX; Улутау (Оре Заир); Карасай; Каннатас, курган 19; Былкылдак, Оленина Отнога; Каинсай, курган 16; Кызылжар; Солончанка 1; Батыр-Булак). К особому типу относится комплекс у горы Ереймен-Тау, где центральная часть

конструкции представляла собой прямоугольную ограду размерами 60 x 40 м, ориентированную длинными сторонами с З на В. В восточной ее части сооружен центральный курган диаметром до 20 м. Диаметр центральных курганов в обоих типах варьирует от 5 до 25 м, высота достигает 0,7 м.

Культово-погребальная деятельность в этих комплексах производилась в основном на уровне погребенной поверхности, на которой и располагались остатки кострища, жертвоприношений (лошадь, баран) и трупосожжений. В отдельных случаях под насыпями обнаружены прямоугольные ямы, ориентированные по оси З-В, обложенные плитами. В некоторых из них зафиксирована ингумация (Каннатас, курган 19; Зевакино, курган 1) и трупосожжение (Ботакара, курган 1).

Основным видом вещевого инвентаря являются керамические горшки, поставленные на уровне древней поверхности, иногда в небольшой яме. Они изготовлены ручной формовкой из грубого теста с примесью песка и дресвы, с костровым обжигом. По форме выделяются четыре типа посуды. К первому типу относятся высокие плавнопрофилированные горшки - вазы, с короткой прямой слегка отогнутой шейкой и прямо срезанным венчиком (8 экз.). Второй тип представлен кувшинообразными горшками с раздутым туловом (4 экз.). В коллекции также есть два небольших горшочка баночной формы. И особый тип составляют котлообразные сосуды обнаруженные в могильнике Кызылтас (3 экз.). Подобный комплекс плавнопрофилированных высоких горшков сложился вероятно в районах Центральной Азии, где подобные пропорции встречаются в сюнно-хуннских памятниках Монголии, Тувы и Забайкалья. Однако в раннетюркское время эта посуда приобретает соответствующие прямостенность и грубость изготовления. Это хорошо прослеживается на образцах из алтайских комплексов кудыргинско-катандинского круга и, в большей мере, в чаатасской посуде.

Сравнительный анализ сосудов, изображенных на тюркских каменных изваяниях Тувы, Алтая, Семиречья и Монголии, убеждает в том, что все вышеперечисленные типы характерны именно для раннетюркских образцов VI-VII вв. Вещевой комплекс рассмотренных курганов позволяет датировать их VI-VII вв.

Таким образом, представленный материал указывает на то, что на самом раннем этапе существования первого Тюркского каганата западные территории Урало-Казакстанских степей были подвержены активному освоению тюркским населением Центральной Азии, которое логично окончилось сложением современных тюркоязычных народностей: казахов, башкир, татар и др.

Т.Ю.ВЕЛИЧКО (Екатеринбург)

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДРЕВНИХ ПОЧВ, СФОРМИРОВАВШИХСЯ НА БАЙТОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Соотношение данных археологии и почвоведения открывает широкое поле деятельности для разностороннего исследования. Благодаря методам изучения свойств почв и знаниям современной археологии, можно точнее и детальнее восстановить картину прошлого человечества. Человек, к какому бы времени не относилась его культура, постоянно воздействует на окружающую среду, в том числе и на почву. Последнее проявляется в уплотнении почвенных горизонтов, нарушении их в результате строительства поселений и жилищ, в воздействии огня, наконец, в большом количестве разнообразных органических остатков, всегда остающихся в результате